

Публикация этого эссе — дань нашей памяти Валерию Борисовичу Голофасту (1941–2004), незаурядному человеку и талантливому ученому. В область его научных интересов входили культурные трансформации в различных обществах, современные глобальные процессы, проблематика социальных структур и институтов. Но более всего Валерия Борисовича волновали проблемы методологии социального знания, его природа и достоверность. Этой теме и посвящены публикуемые здесь незаконченные заметки. Текст и послесловие к нему «Памяти друга» предоставил редакции О.Б. Божков, коллега и соратник В.Б. Голофаста, проработавший с ним бок о бок последние 28 лет.

В.Б. ГОЛОФАСТ

О ПОНЯТИИ HUMAN METHODOLOGY: НЕОКОНЧЕННЫЕ ЗАМЕТКИ

Если методология так или иначе вмешивается в отношения между людьми, стоит задуматься о её природе, назначении, возможностях и границах.

1. Прежде чем методология стала познавательным орудием человека, он противостоял своими действиями окружающему миру, не замечая, что это изменяет его способности и возможности, что он научается, перевоспитывается и развивается, барахтаясь и защищая свою жизнь среди вещей и людей.

На первый взгляд, познавательное действие дистанцированно и предумышленно, в отличие от спонтанного или реактивного поведения. Выделяя объект для воздействия, осознавая и даже формулируя намерение изменить его, человек находится в пределах субъективно понимаемой возможности, опирается на свое видение взаимосвязи вещей. Познание, таким образом, возвышается над действием или предшествует ему, хотя в истории и биографии оно вырастает из поведения и действия. Итак, принадлежность человека к миру поведения и действия составляет фундамент познания. Люди могут казаться вещами или объектами. Но они могут действовать вопреки намерениям или желаниям эго, игнорировать его стремления, планы или цели или даже неожиданно и всякий раз непредсказуемо противостоять им.

Другой или Другие вводят человека в мир культуры, воспитывают его, поддерживают его рост и развитие. Культура оказывается тем арсеналом, который возвышает человека над миром поведения и вооружает его в действии. Культура преобразует внутреннюю и внешнюю жизнь человека относительно независимо от мира поведения и действий. Тем самым каждый индивид выстроен на пересечении своего поведения и культуры.

2. Эта же посылка влечет за собой вывод, что каждый Другой может оказаться особым миром даже в пределах одной культуры. Особость любого Другого означает, что его приравнивание к вещам или объектам радикально ограничивает познавательный горизонт эго. Другой открыт как вещь или объект для эго, но закрыт в своем собственном внутреннем мире.

Закрытость Другого предполагает необходимость общения с ним. Диалог приоткрывает мир Другого. Но никакой диалог не может полностью устранить закрытость. О том, что скрыто в душе у Другого, можно строить догадки, но нельзя знать наверняка. Этого нельзя знать даже о самом себе. Собственное Я, свои свойства и возможности нельзя целиком охватить самосознанием. Их более или менее полно можно опознать, проявить, показать в действии и диалоге для себя и других, то есть в мире поведения и действия, в мире вещей и объектов.

Не означает ли это, что мир вещей и объектов более реален, чем мир людей? Если гуманитарный мир ограничивается интроспекцией и эмпатией, это несомненно верно. Но ведь существуют и другие возможности гуманитарного познания, кроме восприятия мира людей как мира вещей (естественнонаучная и техницистская установка) или опоры на интуицию и чувства (спонтанное восприятие себя или другого).

3. Заметки по истории

А. Бихевиористы и акционисты

Бихевиористы предполагали, что, изучая стимулы (которые, как они считали, наблюдаются или измеряются вполне объективно, без неоднозначных трактовок и споров) и реакции индивидов (организмов) или даже групп (популяций), можно получить все необходимые данные для выведения (индуктивным или экспериментальным путем) закономерностей поведения. Наиболее важные результаты в наблюдательном и экспериментальном планах получил, вероятно, И.П. Павлов, а в плане теоретическом — Б.Ф. Скиннер. Бихевиористы отвлекались от роли ментальных состояний в регулировании или направлении поведения. Поэтому они считали, что наука о поведении может оставаться сугубо эмпирической или экспериментальной, свободной от спекуляций.

Исторически бихевиористы боролись с интроспекционизмом, спекулятивной психологией, а позже и с разными ветвями психоанализа, создававшими фантомные модели ментальных состояний и процессов.

Много позже противниками бихевиористов выступили и сторонники роли эмпатии как чувственного, опирающегося на опыт, индивидуальные способности и профессиональный тренинг интуитивного понимания состояния и поведения другого.

В методологическом же плане бихевиористам противостоят акционисты. И традиционные, опирающиеся на целевые модели действия, идущие от Аристотеля. И современные, знаменем которых остается Макс Вебер с его концепцией социального действия как ориентированного на другого и имеющего культурный смысл. Традиционалисты до сих пор связывают свои надежды с моделями рационального выбора, поддерживаемыми, прежде всего, в теоретической и модельной экономике. В других областях традиционные модели действия остаются на периферии исследовательского интереса; как вспомогательные теоретические схемы они преимущественно имеют значение для интерпретации микропланов повседневной жизни.

Веберу удалось показать различие между простейшими типологически оформленными культурными ориентациями действия, но его попытки связать действия с социально-культурным контекстом опирались на интуитивные соображения и *ad hoc* интерпретации в рамках типологических макростроений. Последние в схемах Вебера всегда строились на социальных конструкциях, независимых от индивидуального понимания: таковы типы власти и авторитета, хозяйственные практики, взаимодействия социальных институтов. Можно утверждать, что программа понимающей социологии, апеллирующая к интуициям смысла, провалилась или, во всяком случае, осталась вспомогательным аргументом отказа от конкурирующих натуралистических или психологических схем. Особенно важно, что это относится и к программам герменевтики, когда они выходят за пределы освоения корпуса взаимосвязанных текстов.

Б. Натуралисты и культуралисты

Первые социологические схемы опирались на натуралистические аналогии: организма, борьбы, эволюции, отбора (роль репродукции и гибели организмов для популяции). Отчетливой границы между фито- или зоосоциологией и человеческой социологией пока нет. Провести эти границы до сих пор надеются только с помощью понятия культуры. Колебания между терминами «социальная» и «культурная антропология» отражают нечеткость применения понятий культуры разного объема: входят ли в него материальная, духовная и социальная культура или можно ограничиться одной-двумя составляющими? (Замечу, что в биологии и агротехнике понятие культуры распространяется и в другом направлении.)

4. Гуманитарная методология не может ограничиваться миром вещей и объектов. Пришла пора задуматься о причине удвоения этих

терминов. Мир вещей существует безотносительно субъекта. Понятие объекта коррелятивно субъекту. Но прежде чем человек стал субъектом, ему противостоял загадочный и живой мир. Границы между вещами и людьми не было. Субъектами были боги. Свою способность быть субъектом человек обретал на практике. Или, как всякий ребенок, получал эти качества от поддерживавших его жизнь близких (это просто другой план усмотрения субъекта). Другой — скрыт, с ним можно общаться, но нельзя заглянуть «внутри». Другой — трансцендентен. Мир Другого — виртуален, то есть обнаруживается только в процессе порождения чего-то: поведения, действия, речи, текста, жеста. Виртуальный мир невозможно увидеть (наблюдать, измерить, смоделировать...) прямо, о нем можно судить только по его проявлениям. Он здесь, перед тобой, глаза в глаза, но он — там, в себе, открываемый только речью, чувствуемый в поведении, понимаемый в его действии, противостоящий или сотрудничающий с тобой. Как распознается Другой? Как устанавливается различие человека (Другого) и зверя, растения, волны, ветра, потока, вообще — мира вещей? На эти вопросы отвечает антропология, историческая, сравнительная и культурная.

Можно ли сказать, что мы застаем гуманитарное познание в поздней фазе, когда, казалось бы, понятия вещей и людей различимы и не вызывают трудностей? Нет, это далеко не так. Как быть со ствольными клетками? А с озоновыми дырами? Граница естественнонаучного, технического и гуманитарного знания и природы сегодня опять размывается, теряет твердость, становится неопределенной.

5. Культура — это то, на что опирается человек в мире поведения и действия. Вне культуры невозможно взаимодействие с Другим. Материальную культуру человек воспринимает в меру освоения и овладения окружающим его материальным миром. Здания и одежда, картины и книги, ландшафт и небо над головой — рукотворный и дальний космос образует мир человека в меру его освоенности, апроприации, как говорят на некоторых европейских языках. Эта мера индивидуальна и интересубъективна, понимаема приблизительно одинаково носителями одной культуры (или близких культур). Когда же речь идет о внутренней культуре, о том, что характеризует внутреннюю меру культурности, культурный уровень, как его обозначают в просторечии, индивидуальность и интересубъективность становятся условиями диалога, задают рамки возможного эффективного взаимодействия, взаимопонимания.

О если бы культура была гладкой, интегрированной, однозначно понимаемой всеми участниками системой! Но всякая культура, даже одна и та же — этническая или, более узко, местная, групповая, ограниченная точным и известным числом участников, — не такова. Культура отражает диалог, различие точек зрения, пропасть противостояний, борьбы, несовместимости, недопониманий, неясностей и

лакун, которых не избежать, о которых можно только догадываться, опираясь на повторение, воспроизведение, замечая маркеры ситуаций и намеки речи и эмоциональных признаков поведения, на общий фонд. Здесь обычно говорят о ценностях, нормах, топосах, рутине повседневности. Но эти понятия вводятся слишком поспешно, они не образуют монотонно проясняющий друг друга ряд — они требуют уточнения и прояснения.

6. Кроме материальной и символической культуры особый разряд образуют социальные отношения — предмет заботы социолога. Невидимые, необозримые, кажется, только воображаемые, они сильнее обручей удерживают человека в поле зависимостей, ограничений (принуждения, как писали в старых социологических текстах) и возможностей, открытых или перспективных, наступающих только после многих шагов поведения и действия среди других людей и вещей.

Несмотря на свою «объективность», но не-материальность, социальные отношения содержат фундаментальный компонент виртуальности, как и всякая культура. Известны редукции социального к «правилам» или представление всех социальных проявлений как «практик». Но вспомним, сколько страниц было исписано в недавнем прошлом об «ожиданиях» (а еще прежде — о привычках и нравах), легитимных или только опирающихся на взаимность опыта взаимодействия, совместности жизни в одной локальности или социальной среде. А сегодня на первый план выдвинуты идентичности участников диалога, устойчивость дискурса и понимание контекста. Собственно говоря, проблемой является многослойность культуры. Но какая культура многослойна — материальная, социальная или символическая, виртуальная?

Методологические индивидуалисты вообще отрицают полезность понятия социального. Они по-старому пытаются редуцировать социальное к индивидуальной психологии. Когда методологический индивидуалист видит вывеску «Отделение милиции № 000», он должен думать не о государственном учреждении, внушающем страх и настороженность прохожему, а об исполнителе этой вывески, который согласился ее написать только потому, что эта работа была выгоднее ему, чем выполнение других работ. Когда методологический индивидуалист сидит в театре и смотрит балет, он должен бы заткнуть себе уши, чтобы не слышать оркестр, потому что музыка поддерживает ансамбль исполнителей, а не индивидуальные позы и движения танцовщиков.

7. В современном мире, впрочем, есть трудности большие, чем редукция к жизненному миру индивида. Одна из них — это возникновение профессиональных субкультур, миров и знаний. Человек может быть прохожим, телезрителем или покупателем, но когда он попадает в профессиональную среду, то часто становится неузнаваемым и его

восприятие мира покидает бытовой горизонт. В профессиональной среде он может оставаться только практиком, но если зайдет речь о выделении профессиональных знаний и навыков или даже просто сведений, сразу становится очевидной их культурная разнородность по происхождению, комбинациям, назначению и исторической судьбе. Сегодня, вероятно, всякая профессиональная культура — это результат многостороннего и долговременного синтеза, только внешне симулирующего национальную, этническую или языковую однородность.

Профессиональные субкультуры более или менее скоррелированы с социальными субкультурами, которые в прошлом заставляли говорить даже о классовых культурах. Их противостояние было таким сильным, что казалось непримиримым. В массовых обществах массовая культура, массовые средства коммуникации, массовое потребление и массовые формы поведения стирают прежние различия. Остается немного места для остатков высокой культуры и культуры традиционной, прежде всего этнических, сельских, локальных и профессиональных элементов. Для них приходится создавать все новые и новые музеи, разыгрывать спектакли для туристов или отводить им ритуальное место на мемориальных праздниках.

Другая очевидная трудность — это встреча представителей разных культур в глобальном, институциональном или местном контекстах. Насколько каждый остается при своем? Как в диалоге устанавливается режим контекста? На каких элементах общей культуры выстраивается перспектива интересубъективности? Не устраняются ли различия посредством власти, исключения, доминирования? Или каждая из сторон их просто игнорирует, пренебрегая непониманием, если это не ведет к конфликтам? Культурные элементы переплетаются не только в жизни всякого профессионала; понять разнородность культур приходится почти любому человеку, особенно городскому, для которого этот процесс неизбежен с раннего детства. В мире все меньше остается социальных образований, выстроенных на основе «одной и единой» культуры.

Дело не просто в том, чтобы разделить мягкие и жесткие элементы культуры, важно отобразить их природу, разнородность и соподчиненность, историческую и синхронную логику взаимодействия и эволюции. И при этом сохранить своеобразие материальной, символической и социальной культуры. В анализе надо бы перейти от дихотомий к трихотомиям, а потом и к более сложным структурам, чтобы добиться новых упрощений и уйти от вульгаризаций.

Скажем, люди являются носителями, пользователями, творцами культуры, они ее осваивают, поддерживают, воспроизводят, модифицируют, а также губят, искажают. Внутренняя культура имеет субъективный, интересубъективный, нормативный и ценностный слои. Зафиксированная, воплощенная в артефактах культура образует часть

искусственной среды. Но если она представлена в виде языка, высказываний или текстов, она начинает жить своей жизнью, относительно независимо от носителей. Машины похожи на все другие артефакты культуры, но не только люди используют машины, последние сами начинают использовать людей или порождать новые артефакты, становящиеся загадками для человека — носителя культуры. Материальная культура обычно покоится (как обычные памятники) или разрушается, требуя реставрации или обновления, в любом случае оставаясь предметом археологии. Но если она активно используется людьми, она вписывается в историю, включая историю культуры, и значит, оставляет в человеке след. Это как выученные стихи, или школьные уроки, или путешествие в другую страну. Следы могут забываться или стираться. Они живут во времени. Следы — это материальная форма памяти.

8. Воспроизводимость, повторяемость, использование, сохранность, распространенность — ключевые характеристики культуры. Культура имеет по преимуществу социальный характер, она зависит от групповой или более широкой поддержки. Индивидуальные достижения и черты культуры могут стираться, забываться, исчезать. Интерсубъективные, разделяемые, поддерживаемые многими — передаются, используются, воспроизводятся, модифицируются, развиваются. Впрочем, коллективная память может сохранять и знание о неповторимых достижениях.

Культуры в той или иной мере состоят из объединенных элементов, черт, комплексов, структур, текстов. И сохраняются, используются или распространяются именно в таком связном качестве. Но носители культуры обладают свободой опускать или акцентировать отдельные элементы в своих практиках, оперировать ими по своему произволу. Судьба произвольных конструкций — будут ли они повторяться другими носителями культуры, войдут ли в общий фонд, будут ли оценены как важные, достойные продолжения — зависит от социального внимания и поддержки. Некоторые лица обладают особым авторитетом в утверждении произвольных форм. Но даже им обычно не дано перекраивать в культуре все, что угодно. Масштабные перестройки в культуре — обычно долгий, коллективный, много-составный процесс, который зависит от культурных движений и многих других обстоятельств.

Из преимущественно социального характера всякой культуры можно вывести важное следствие — взаимность, интерсубъективность; она немислима без коллективной поддержки. Культура не состоит из индивидуальных убеждений, а является тем, что понимается и разделяется с полуслова или даже вообще без слов, опирается на значимый жест, узнаваемую, привычную практику Другого.

Внимание, произнесено важное слово — привычка! Привычки бывают индивидуальными и могут распознаваться другими в таком качестве. Но еще более важно то, что составляет привычки взаимные, коллективные, что так или иначе входит в обиход некоторого круга, в общий фонд, образует традицию. Обиход — это воплощение рутины. Но одновременно — это и обширное пространство для узнаваемой взаимной игры: хитрости и ловкости, сообразительности и удачи, эмоций и ответов на них, вежливости и глупости. Вся гамма человеческого проявляется только в социальном, групповом контексте, даже если разыгрывается наедине. Потому что человек — это средоточие социальных отношений, его не понять и не объяснить вне других людей, окружающих его сейчас или далеких, придуманных или воображаемых.

9. Понятие социального (порядка) хорошо проясняется с помощью представлений об окружении индивида, на микроуровне, где явственно проявляются индивидуальные, личные моменты и очевидна взаимность. Проблема состоит в том, что на такой интуитивной, зримой основе можно почувствовать только простейшие традиционные формы социальности: малые, контактные, первичные группы, локальные общины и даже некоторые формы этничности. Чтобы почувствовать специфику социального в макроплане, добраться до социального и превзойти его, надо использовать другие аналогии и метафоры. Один из таких образов — это социальная мегамашина.

Исторически понятие машины относится к материальной культуре. Ясно, что машину нужно было придумать, изобрести и построить или путем постепенных проб и приспособления обнаружить в природе, чтобы использовать или заставить ее работать на человека. Постепенно появились и другие понятия, отвлеченные от обязательных материальных элементов. Таково представление о «логических машинах», «информационных машинах», «виртуальных машинах». Происхождение социальных машин остается неясным, открытым для осмысления.

Люис Мамфорд, придумавший термин «мегамашина», различал созидательные и разрушительные мегамшины. Примерами первых являются трудовые армии рабов и подневольных крестьян, использовавшиеся на строительстве египетских пирамид, садов Вавилона, древних ирригационных систем, дорог и городов. Примеры вторых — это армии древности, разрушавшие те же города, уничтожавшие целые народы и способствовавшие посредством завоеваний возникновению древних империй. Ближе к современности примерами мегамашин остаются бюрократии, армии, к ним добавляются хозяйственные, технологические, транспортные, информационные и рукотворные космические системы. Но легко вообразить, что машиной является

вуз, завод, корпорация или даже школа. Все формальные государственные и корпоративные институты могут служить очевидными примерами социальных машин. Сразу становится ясно, что материальные элементы таких машин только весьма приблизительно характеризуют их суть. То же самое относится к их «человеческому наполнению» или к символическим аспектам функционирования.

10. Ранние дихотомии в истории социологии хорошо схватывали качественные различия малой и большой социальности. Община и общество, механическая и органическая солидарность, традиционное и современное общество, священное и светское, неформальные (традиционные, ритуальные) и формальные институты, первичные и вторичные группы — все эти построения предназначались для того, чтобы концептуально выразить контраст разных типов социальных отношений и вывести на этой основе другие их особенности.

11. Исследование социальных форм самих по себе вызывает трудности. Это трудности онтологического, исторического порядка. Их можно отодвинуть в сторону, как это было сделано уже неоднократно в истории гуманитарного знания. Кроме приводившихся выше соображений, обратим внимание еще на несколько примеров.

Первый пример — это понятия психологического: переход от физиологических или психических процессов к культурному содержанию так и не был сделан. Второй — это понятия смысла, значения, символа: материальное воплощение, социальное бытование и символическое содержание так и остаются совокупностью независимых проблем. Третий — это кружева вокруг понятий нормы и ценности: объективность нормы и ее социальная кодификация, трансцендентность ценности и ее социальное признание так и остаются трудными проблемами. Четвертый пример — это понятия информации и знания: коммуникативный характер информации несовместим с глубинным строением знания, что подчеркивает их разный социальный статус. Но природа этого различия остается неясной. Пятый — это понятия образа и типа, жанра и стиля: культурные и индивидуальные коннотации этих понятий остаются неразделимыми, и это определяет пределы их использования в социальных дисциплинах. Шестой пример — это понятия действия и практики: практика понимается как стандартизованное действие или их связанная совокупность, лишенная внутренних направляющих элементов, тогда как в индивидуальном действии они остаются определяющим моментом.

Создается впечатление, что все эти примеры говорят об одних и тех же трудностях гуманитарной методологии. При этом каждый пример выявляет разные стороны ситуации. И пока неясно, как ее преодолеть не посредством частных решений, приемлемых только для ограниченного круга проблем, а с помощью установления общей

перспективы, которая позволила бы обнаружить и новые, неизвестные еще проблемы.

В социологии последних десятилетий XX века известны и другие попытки обойти указанную ситуацию. Эти попытки обычно обозначаются как дилеммы: объективизм и субъективизм, структура и действие, «структурация» и аутопойезис, хабитус и конверсия капиталов, морфогенез и новый реализм. Пока мы их оставим без комментариев — они более известны, но столь же малопродуктивны. Терминология усложняется, старые термины заменяются новыми, но создается впечатление, что так возникают только новые фантомы. История разработки понятия социального напоминает драму разработки понятия психологического, или лингвистического, или других понятий гуманитарного.

12. Привычно понимать социальное как группу или даже совокупность групп. Но общество не группа. Общество — это совокупность социальных машин: институтов, учреждений и организаций — обезличенных форм социальности, которые относительно независимы от людей, входящих в их состав, частично (ролями) или даже полностью (тюрьмы, казармы, некоторые корпорации). Даже профессии, как известно, различаются тем, насколько они требуют от человека полного или частичного погружения в профессиональную среду, подчинения ей всех прочих аспектов своей жизни.

Групповой и институциональный контекст устроены принципиально по-разному. Замечу здесь, что не следует путать понятия общества и государства. Государство — только одна из форм исторического существования общества. Хотя тот факт, что большая часть социальных институтов сегодня учреждена государством, конечно, очень важен. Были, впрочем, и другие примеры в истории. Так, многие институты феодальной эпохи были производны от династических, племенных или церковных иерархий, выходивших далеко за пределы функционально организованных социальных машин или «естественных» локальных или этнических общностей. Насколько древние институты похожи на современные, мы пока обсуждать не будем. Как и обзрывать историю государств.

Когда происходит дезорганизация или перестройка социальных машин, общественная жизнь имеет тенденцию, по видимости, возвращаться к простейшим формам группового строения. Другие начинают различаться по внешним признакам (а не по ролям и статусам в формальных иерархиях). Меняется основа мотивации поведения и действий.

Ноябрь–декабрь 2004 г.